

RU

Структурные типы и семантические особенности односложных корней в лексических единицах, представляющих концептосферы «Мхи», «Грибы», «Травы», «Цветы» (на материале лексики татарского, башкирского и чувашского языков)

Нигматуллина Л. А., Абдуллина А. Ш., Лысова О. В.

Аннотация. Исследование посвящено изучению вопросов структурного типа именных и глагольных основ и идеографической характеристики односложных корней в тюркских языках Урало-Поволжья. В работе нами представлены лексемы татарского, башкирского и чувашского языков, связанные с концептосферами «Мхи», «Грибы», «Травы», «Цветы». Цель исследования - выявить особенности звукового состава односложных корней в лексемах, представляющих концепт когнитивной сферы «Природа (живая)» на материале лексики татарского, башкирского и чувашского языков. Научная новизна работы заключается в целостном подходе к вопросу лексико-семантической и фонетической характеристики односложных корней тюркских языков Урало-Поволжья в рамках когнитивной сферы «Природа (живая)». В работе впервые рассматриваются межъязыковые и внутриязыковые семантические поля татарского, башкирского и чувашского языков. Результаты изученного материала показали, что анализируемые названия растений в современных тюркских языках Урало-Поволжья дают возможность проследить развитие значений одного и того же слова в разных языках. Это говорит о познании человеком окружающего мира через предметы, которым он дает имена.

EN

Structural Types and Semantic Features of Monosyllabic Roots in Lexical Units Representing the Conceptual Spheres “Mosses”, “Mushrooms”, “Grasses”, “Flowers” (by the Material of the Vocabulary of the Tatar, Bashkir and Chuvash Languages)

Nigmatullina L. A., Abdullina A. S., Lysova O. V.

Abstract. The research is devoted to the study of the structural type of nominal and verbal word stems and the ideographic characteristics of monosyllabic roots in the Turkic languages of the Urals-Volga region. The paper presents the lexemes of the Tatar, Bashkir and Chuvash languages associated with the conceptual spheres “Mosses”, “Mushrooms”, “Grasses”, “Flowers”. The aim of the study is to identify the features of the sound composition of monosyllabic roots in the lexemes representing the concept of the cognitive sphere “Nature (Animate)” using the vocabulary of the Tatar, Bashkir and Chuvash languages. Scientific novelty of the work lies in taking a holistic approach to the issue of lexico-semantic and phonetic characteristics of monosyllabic roots in the Turkic languages of the Urals-Volga region within the framework of the cognitive sphere “Nature (Animate)”. The paper is the first to examine the interlanguage and intralanguage semantic fields of the Tatar, Bashkir and Chuvash languages. The research findings have shown that the analysed names of plants in the modern Turkic languages of the Urals-Volga region make it possible to trace the development of the meanings of the same word in different languages. This points to the fact that people comprehend the surrounding world through objects to which they give names.

Введение

Словарный массив тюркских языков Урало-Поволжья имеет свою материальную звуковую оболочку, которая является необходимым условием его возникновения и которая при этом хранит более или менее

отчетливые следы его формирования и развития в лексической структуре того или иного языка. Вместе с тем слово – носитель значения: оно выполняет функцию представления предмета мысли. Эта природа слова лежит в основе выделения в словарном запасе лексических серий или тематических групп, поскольку в такие ряды включаются слова, по мнению исследователей, служащие обозначения отдельных разновидностей каких-либо предметов и объединяемые общностью родового значения.

Необходимо отметить, что язык не является прямым отражением мира. В нем осуществляются акты интерпретации мира человеком. Поэтому различные языки являются разными способами мировидения. Слово – это отпечаток не предмета самого по себе, а его чувственного образа, созданного этим предметом в нашей душе в результате языкотворческого процесса.

Данная статья является продолжением исследования, начатого в работе «Особенности звукового состава односложных корней в лексемах, репрезентирующих концептосферу “Земля, особенности земной поверхности”, на материале лексики татарского, башкирского и чувашского языков» (Нигматуллина, Абдуллина, Лысова, 2022).

Актуальность: в связи с развитием исследований в области словообразования в последнее время у тюркологов и алтаистов заметно возрос интерес к проблеме осмысления тюркского (шире – алтайского) корня.

Системный и комплексный подход к изучению особенностей звукового состава односложных корней в лексемах, представляющих концептосферы «Мхи», «Грибы», «Травы», «Цветы», является необходимым условием решения вышеназванной проблемы.

Важность сравнительного анализа и системной характеристики общетюркского лексического фонда в татарском, башкирском и чувашском языках очевидна и в том плане, что результаты могут послужить обоснованной и предварительной предпосылкой как для составления корпуса этимологических словарей, так и для создания сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков Урало-Поволжья.

Для достижения цели исследования мы ставим следующие задачи:

1. Выявить этимологию названий, представляющих концептосферы «Мхи», «Грибы», «Травы», «Цветы» в рамках когнитивной сферы «Природа (живая)».

2. Исследовать звуковой состав односложных корней в лексемах, связанных с миром флоры в тюркских языках Урало-Поволжья.

3. Изучить односложные корни в татарском, башкирском и чувашском языках в системно-семантическом отношении.

В анализе исследования фактического материала были применены следующие методы: сравнительный, сравнительно-исторический, метод словообразовательного анализа, статистический метод.

Теоретической базой исследования послужили труды известных ученых-лингвистов, таких как Э. В. Севортян (1976), А. Т. Кайдаров (1986), Н. А. Баскаков (1979), К. М. Мусаев (1984), Б. М. Юнусалиев (1959), В. Л. Котвич (1962), Э. Р. Тенишев (Сравнительно-историческая грамматика..., 2006), А. К. Зайончковский (1961), Е. З. Кажобеков (1986), А. В. Дыбо (1996), А. Г. Шайхулов (2000). В данных научных работах корневая основа рассматривается в самых различных аспектах. Ученые признают существование в тюркских и монгольских языках структурных типов [Г], [СГ], [ГС], которые являются самыми простыми среди других типов именных и глагольных основ, с чем мы вполне солидарны. Это явление, как показывает наше исследование, характерно и для татарского, башкирского и чувашского языков.

В тюркологии и алтаистике проблема структуры корня занимает особое и при этом значительное место. В частности, В. Л. Котвич (1962, с. 203), рассматривая структуру корней алтайских языков, выявил существование двух основных типов слога: СГ (открытый) и СГС (закрытый). В начале корня могут появляться еще и слоги без начального согласного, то есть типа Г и ГС. Б. М. Юнусалиев (1959, с. 134) в своих исследованиях устанавливает, что для древнейшего диалекта тюркского языка-основы характерны следующие четыре типа односложных корней: 1) Г: **у** «сон», **о** «думать»; 2) С + Г: **са** «считать», **жу** «грузить», **сы** «ломать», **бе-** + **н** «я», **би** + **з** «мы»; 3) Г + С: **ат** «конь», **ал** «брат», **аң** «зверь»; 4) С + Г + С: **кел** «приходить», **кет** «уходить», **суг** «вода», **таг** «гора». Н. А. Баскаков (1979, с. 103) считает, что господствующими и характерными для тюркских языков являются корни типа СГС и (С)ГС. Корни же типа (С)Г(С), являющиеся результатом выпадения начального и конечного согласного, в современных тюркских языках отсутствуют, а в древних – занимают по отношению к другим типам корней самое незначительное место. А. Зайончковский (1961, с. 28-35) разработал более подробную, чем его предшественники, методику восстановления первоначального корня путем сопоставления основ. Вместе с тем он не свел все глаголы к типу [СГ]. Исследователь пришел к выводу о существовании четырех типов односложных корней в тюркских языках: это [Г], [ГС], [СГ], [СГС].

Данную точку зрения последовательно развили Б. М. Мусаев (1984), Э. В. Севортян (1976), А. Т. Кайдаров (1986), Е. З. Кажобеков (1986), А. Г. Шайхулов (2000), утверждая, что конечный замыкающий элемент есть грамматический формант, появившийся в результате агглютинативного процесса в тюркских языках.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при составлении учебников и учебных пособий по лексикологии тюркских языков Урало-Поволжья; при реконструкции односложных корней татарского, башкирского и чувашского языков; при разработке лекций и семинаров по данной проблематике. Фактический материал может быть полезным при составлении этимологических и идеографических словарей тюркских языков Урало-Поволжья.

В качестве материала исследования были использованы следующие словари:

Алиев А., Бориев К. Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1929.

Башкирско-русский словарь / сост. К. З. Ахмеров, Т. Г. Баишев. М., 1958.

Диалектологический словарь татарского языка / под ред. М. З. Закиева, Д. Б. Рамазановой, Т. Х. Хайретдиновой. Казань, 1993.

Древнетюркский словарь / авт.-сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин. Л.: Наука, 1969.

Әхмәтҗанов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001.

Әхмәтҗанов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: 4 томда. Казан, 2005. Т. I (А – Й).

Караимско-русско-польский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Русский язык, 1974.

Карачаево-балкарско-русский словарь. Нальчик, 1985.

Кашгари М. Туркий сузлар девони («Девону луготит турк»): 3 томлик. Тошкент: Фан, 1960-1961. Т. I-III.

Киргизско-русский словарь / под ред. К. К. Юдахина. М.: Советская энциклопедия, 1965.

Пекарский Э. Д. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л., 1907-1930. Т. I.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893-1911. Т. I. Т. IV.

Русско-башкирский словарь: в 2-х т. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. I (А – О). Т. 2 (П – Я).

Русско-казахский словарь: в 2-х т. / под ред. Г. Г. Мусабаева. Алма-Ата, 1978. Т. I (А – О).

Русско-кумыкский словарь / под ред. З. З. Бамматова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960.

Русско-татарский словарь / под ред. Ф. А. Ганиева. М., 1991.

Русско-татарский словарь сельскохозяйственных терминов. Казань, 1971.

Русско-тувинский словарь / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1980.

Русско-чувашский словарь / под ред. И. А. Андреева, Н. П. Петрова. М.: Советская энциклопедия, 1971.

Толковый словарь современного башкирского языка / Российская академия наук; Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра; под ред. Н. Ф. Суфьяновой, З. Г. Уразбаевой. Уфа, 2004.

Толковый словарь татарского языка. Казань, 2005.

Уйгурско-русский словарь / авт.-сост. Э. Н. Наджип. М.: Советская энциклопедия, 1968.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Чебоксары, 1996. Т. I (А – Р).

Чувашско-русский словарь / под ред. М. Я. Сироткиной. М., 1961.

Основная часть

Описание концептов с точки зрения определения семантики односложных корней репрезентирующих их лексем, а также анализ их звукового состава еще не были исследованы с опорой на современные методологические разработки. В целях изучения вопросов языкового единства в лексических структурах тюркских языков Урало-Поволжья нами анализируется лексический состав с опорой на схему системной характеристики. Данная методика уже была использована в трудах известных лингвистов (Шайхулов, 2000) (синоптическая схема) и представлена тематическими группами «Вселенная», «Человек», «Вселенная и Человек» (Шайхулов, 2000). А. Г. Шайхулов (2000, с. 239) в своем монографическом исследовании «Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики» выделяет четыре когнитивные сферы в следующей последовательности: I. Природа (неживая и живая). II. Человек (как физико-биологическое существо). III. Общество. IV. Познание (априори).

Эти способы системной идентификационной характеристики явились исходной точкой при установлении звукового состава и идеографической парадигматики односложных корней (ОК) в тюркских языках Урало-Поволжья на общетюркском лексическом фонде.

Материал исследования включает одну из основных когнитивных сфер – «Природа (живая)». Нужно отметить, что ее изучение объясняется следующими причинами: системным подходом к анализу обширного языкового материала и особенностью идеографической и этнолингвистической характеристики односложных корней в татарском, башкирском и чувашском языках. Наименования растительного мира всегда привлекали внимание ученых и языковедов. Интерес к исследованию этой группы лексики объясняется стремлением выявить этимологию названий, семантическую основу, а также словообразовательную структуру, их распространение и употребление в разных языках.

Многочисленную группу тюркизмов составляют слова, связанные с обозначением явлений живой природы. Тюркские языки Урало-Поволжья обладают сравнительно богатой и развитой системой ботанических терминов, служащих для обозначения разных видов растений (деревьев, кустов, трав, ягод, цветов и т.д.). Для обозначения растительного мира, в частности для наименования грибов, трав, цветов, в диалектных системах татарского, башкирского и чувашского языков Урало-Поволжья употребляются разные фонетические вариации лексем. Путем внешнего сравнения нами реконструируются древнейшие формы и значения лексем. Для подтверждения наших данных мы приводим примеры и из других тюркских языков.

Исследуемый материал рассматривается в двух рубриках: структурные типы **ГС** (гласный + согласный звуки и варианты) и **СГ** (согласный + гласный звуки и варианты) с различными семантическими изменениями глагольных и именных основ.

Рассмотрим **слова общего значения** структурных типов именной основы СГ (+ варианты) и ГС (+ варианты). Все архетипы, представленные ниже, кроме **orta:n* с наиболее общим значением «лес вообще», передают качественно различные виды леса, связанные, по-видимому, с образом жизни и окружающей тюрк природой: «роща», «чаща», «лесные заросли», «участок леса на поляне», «мелкий лес по долинам рек», «лес на горе» (Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 110).

Среди слов общего значения вариантами первого типа СГ служат: ССГС и ССГ (3 примера), вариантом второго типа ГС – СГС (2 примера). Эти структурные типы представляют собой схему следующих архетипов.

Основное значение архетипа **ууас* «дерево (растущее)» и «дерево (материал)». Универсальным обозначением дерева в пратюркском было **ууас* «дерево (растущее)» и «дерево (материал, древесина)». Другие названия носят ареальный характер: **terek* – в группе кыпчакских и заимствованное **deräht* – в группе карлукских языков (Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 104-105):

1) **тат.:** *аг-а-ч* (ГС + ГС) «дерево»; «многолетнее растение», «стройматериал», перен. «невоспитанный»; «безграмотный (о человеке)» (Толковый словарь татарского языка, с. 20); **баш.:** *аг-а-с* (ГС + ГС) «дерево», «дерево для постройки дома» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 272; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 15); **чув.:** *йы-в-ащ* (СГ + СГС) «дерево лиственное», «родословное дерево» (Русско-чувашский словарь, с. 156). Слово восходит к общетюрк. *аг-ач*, *йа-гач*, *ай-гач* «дерево», «лес» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 10). Ср.: тат. *ау-ас* «дерево (растущее)», «бревно», баш. *аа-уs* «дерево (растущее)», «дерево (материал)», чув. *täräh - tiräk* «тополь» (Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 104-105).

Лексические значения слов во всех трех языках совпадают частично. Этимоны на **аг-/*(й)ыв-* выступают в значении «многолетнее растение с твердым стволом и отходящим от него ветвями». Ср. в других языках: каз. *аа-ч* «дерево» (Русско-казахский словарь, с. 186); тюрк. *ав-и-лук* «дерево» (Туркий сузлар девони, т. I, с. 34); тюрк. *аг-а-у* «тж» (Курьшжанов, 1970, с. 77); тюрк., бур. *аг-а-ч* «тж» (Будаев, 1978, с. 102); караим. *аг-ы-ч* «тж» (Караимско-русско-польский словарь, с. 43); карач.-балк. *агъ-а-ч* «тж» (Норманская, 2008, с. 18); тюрк. *аг-ы-лук* «дерево»; «палка»; «трость» (Опыт словаря тюркских наречий, т. I, с. 152); тат. *аг-а-ч* «дерево»; «бревно»; «древесина» (Дмитриева, 1981, с. 79); карач.-балк. *аг-ы-с* «дерево»; «бревно»; «лесной» (Карачаево-балкарско-русский словарь, с. 165);

2) **тат.:** *ба-к-ча* (СГ + ССГ) «сад (городской, фруктовый, ботанический, зоологический)», «детский сад» (Русско-татарский словарь, с. 538); **баш.:** *ба-к-са* (СГ + ССГ) «сад (фруктовый, ботанический)», «зимний сад», «детский сад» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 341); «сад (фруктовый, ботанический)», «место для отдыха» («зимний сад», «детский сад») (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 42); **чув.:** *па-х-ча* (СГ + ССГ) «огород», «сад», «двор», «сад (фруктовый, ботанический)», «детский сад» (Этимологический словарь чувашского языка, т. I, с. 392; Русско-чувашский словарь, с. 683).

Этимон восходит к общекыпчакскому слову *ба-гча* «сад», «садик»; «огород»; «бахча» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 34).

В татарском и башкирском языках слово образовано от корня *ба-ғ* с помощью аффиксов *-ча*, *-са*, а в чувашском присоединением аффикса *-чи*. В корнях слов татарского, башкирского и чувашского языков наблюдается чередование *б/п*. Лексические значения во всех трех языках совпадают. Этимоны на **ба-/*па-* выражают значение «участок земли, засаженный деревьями, кустарниками, цветами, растениями». Ср. в других языках: кирг. *ба-ғ-бостан* «сад», «дерево», «счастье», «присматривать», «смотреть», «стеречь» (Киргизско-русский словарь, с. 99). Корневые основы во всех сравниваемых языках совпадают;

3) **тат.:** *ур-м-ан* (ГС + СГС) «лес», собир. «срубленные деревья (материал)», перен. «множество (лес штывков)» (Русско-татарский словарь, с. 242); **баш.:** *ур-м-ан* (ГС + СГС) «лес (дремучий)», «строительный материал», перен. «большое количество» (Русско-башкирский словарь, т. II, с. 527); «лес» (Халиуллина, Шайхулов, 2004, с. 231); **чув.:** *ва-р-ман* (СГ + ССГС) «лес», «строительный материал» (Русско-чувашский словарь, с. 317). Этимон восходит к др.-тюрк. *ор-а*, *ур-а* «лес возле горы или обрыва» и характеризуется присоединением аффикса *-ман* (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 220).

Ср.: тат. *урман* «лес», баш. *урман* «лес», чув. *хартан* «лес», «роща», «дерево» (Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 110).

Чередование гласных в корне слова наблюдается в чувашском языке. Лексические значения слов в данных языках совпадают. Этимоны на **ур-/*(е)ар-* в сравниваемых языках выступают в значении «множество деревьев, растущих на большом пространстве».

Концептосфера «Мхи»

Структурные типы именной основы данной группы лексем относятся к варианту С (3 примера).

Мхи – это архетип, основное слово, обозначающее весь концепт, родовое понятие. Вариант (СГ + С) представлен в трех приведенных примерах.

Понятие *мох* в тюркских языках употребляется в следующих фонетических вариантах: **тат.:** *му-к*, *ку-г-арек* (СГ + С) «мох (болотный мох, торфяной мох)» (Толковый словарь татарского языка, с. 379; Русско-татарский словарь сельскохозяйственных терминов, с. 111); **баш.:** *му-к* (СГ + С) «мох», «торфяной мох», перен. «мохом обрасти (зарастить, покрыться) (о человеке)» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 584); «торфяной мох» (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 267); **чув.:** *ма-к* (СГ + С) «мох» (Русско-чувашский словарь, с. 353). Слово *мох* заимствовано из русского языка (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 148). Лексические значения слов во всех трех языках совпадают. Этимоны на **мү-/*ма-* выражают значения «растение, растущее в сырых местах», «грибок», «плесень».

Концептосфера «Грибы»

В данной группе концептов анализу подвергается лишь одна ЛЕ.

Структурные типы именной основы относятся к типу СГ (+ варианты), где вариантами служат: ССГ (2 примера), ССГС (1 пример):

тат.: *гө-м-бә* (СГ + ССГ) «низшее растение», «гриб», «болезнь растений», «чага», мед. «болезнь у детей», перен. «теневое приспособление», «о слабохарактерном человеке» (Толковый словарь татарского языка, с. 136); **баш.:** *бә-ш-мәк* (СГ + ССГС) «гриб», перен. «расти как грибы после дождя» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 250; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 73); **чув.:** *кӓ-м-па* (СГ + ССГ) «гриб», перен. «расти как грибы после дождя» (Русско-чувашский словарь, с. 141).

Слово *гө-мбә* «гриб» широко распространено в Восточной Европе: рус. *гу-ба, гу-нба* «гриб», коми *го-б* «гриб», венг. *go-mb* «шар», монг. *бу-мба* «что-то круглое», «шар» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 59).

Основное лексическое значение слов во всех трех языках совпадает, а переносные значения совпадают частично. Этимоны на **гө-/*бә-/*кӓ-*, отличающиеся по звуковому составу, равнозначны. Ср. в других языках: баш. *бы-й-му* «гриб-дождевик» (Башкирско-русский словарь, с. 46), тат. *бә-с-как* «гриб картофельный» (Сауранбаев, 1982, с. 62), тат. диал. *зе-р-есдә* «вид съедобных грибов» (Диалектологический словарь татарского языка, с. 117), баш. *бә-ш-мәк* (*һиңгырау*) «гриб водяной» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 21).

Концептосфера «Травы»

В данной группе концептов анализу подвергаются такие лексемы, как «лебеда», «рожь», «полынь», «девясил», «ячмень», «зерно», а также архетип, родовое понятие концепта «трава».

А. Структурные типы именной основы СГ (+ варианты), ГС (+ варианты)

Среди **структурных типов именной основы СГ** (+ варианты) вариантами служат: СГС (2 примера). Остальные относятся к типу ГС (+ варианты), где вариантами являются: ГС (8 примеров), СГ (3 примера), СГС (6 примеров), ГСГС (3 примера):

1) **тат.:** *үл-ә-н, чирәм* (ГС + ГС) «трава» (Русско-татарский словарь, с. 634; Толковый словарь татарского языка, с. 766); **баш.:** *үл-ә-н, йәшән* (ГС + ГС) «трава», перен. «травой (быльем) поросло», «хоть трава не расти» (Русско-башкирский словарь, т. II, с. 510); «трава» (Севортян, 1976, с. 435); **чув.:** *ку-р-ӓк* (СГ + СГС) «трава» перен. «тише воды, ниже травы» (Русско-чувашский словарь, с. 791). Этимон восходит к др.-тюрк. *ӧл-ән* «болотистое место», «зеленая трава», общетюрк. *ӧл* «мокрота», «мокрое место» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 223). Ср.: *ӱл-ән*, башк. *ӱл-ән* «трава»; «трава», «сено» чув. (Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 119-120).

В сравниваемых языках значения слов совпадают. Этимоны на **үл-/*ку-* выражают значение «многолетнее или однолетнее растение». Ср. в других языках: калм. *өл-ә-н* «трава», «осока», «ковыль» (Номинханов, 1975, с. 295);

2) **тат.:** *ал-а-бута* (ГС + ГСГС) «лебеда» (Толковый словарь татарского языка, с. 32; Этимологический словарь татарского языка, с. 53); **баш.:** *ал-а-бута* (ГС + ГСГС) «лебеда» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 523; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 22); **чув.:** *мӓ-я-н* (СГ + СГС) «лебеда» (Русско-чувашский словарь, с. 314). Этимон восходит к др.-рус. *лабуда* < *лебеда* (ср. диал. *алабата, ылабута, лабута* «лебеда»). В результате фонетического развития *лобода* > *лабута* > *ылабута* > *алабута ыла* переходит в *алапо* «народной этимологии»: по мере созревания цвет растения меняется (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 13).

В. Г. Егоров чув. *мӓян* сближает с такими тюркскими словами, как чаг. *бийан* «лекарственная трава», туркм. *буйан*, аз. *биян*, тур. *мейан* «солодка». По форме они близки, но чув. *мӓян* «лебеда» – это травянистое растение, засоряющее посевы, тогда как солодка – лекарственное растение (Этимологический словарь чувашского языка, т. I, с. 353). Лексические значения слов во всех трех языках совпадают. Этимоны на **ал-/*мӓ-*, отличающиеся по звуковому составу, выражают одинаковые значения. Ср. в других языках: диал. тат. *ал-а-бата* «лебеда», «марь белая», «марь красная», «лебеда раскидистая», «амарант», «ширица» (Диалектологический словарь татарского языка, с. 589), тат. *ал-а-бута* «лебеда», «репейник», «терновник» (Махмутова, 1978, с. 81);

3) **тат.:** *ар-ы-ш* (ГС + ГС) «рожь», «семена ржи» (Толковый словарь татарского языка, с. 50); **баш.:** *ар-ы-ш* (ГС + ГС) «рожь» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 328; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 32); **чув.:** *ыр-а-ш* (ГС + ГС) «рожь» (Русско-чувашский словарь, 1971, с. 677). Слово заимствовано из др.-рус. до XVI в.; ср. рус. *рожь*, др. *ръжъ* < и.-е. *roughi* «рожь» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 20). В сравниваемых языках наблюдается явление протезы.

Лексические значения слов во всех трех языках совпадают. Этимоны на **ар-/*ыр-* выступают в значении «злаковое растение». Ср. в других языках: тюрк. *ар-а-м шөп* «ячмень», «темга», «тарантас», «колдовать», «предсказывать», «дать совет», «бранить», «уговаривать», «рассказывать» (Опыт словаря тюркских наречий, т. I, с. 336).

Универсальным словом для обозначения травы «полынь» у тюрков было **jabša:n*, областное значение имели лексемы **erpen* (Средняя Азия) и **erem* (Поволжье) (Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 132-133).

Именные основы, связанные с понятием *полынь*, в татарском, башкирском и чувашском языках употребляются в следующих вариантах:

4) **тат.:** *әр-е-м* (ГС + ГС) «полынь» (Толковый словарь татарского языка, с. 748; Татар теленең этимологик сүзлеге, б. 29); **баш.:** *әр-е-м* (ГС + ГС) «полынь», перен. «злой язык (о человеке)» (Русско-башкирский словарь,

т. I, с. 119; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 506); **чув.:** *эр-ё-м, аръм* (ГС + ГС) «полюнь» (Татар теленең этимологик сүзлеге, б. 29). Этимон восходит к др. -тюрк. *эр-эмән, үр-эмән* < др.-тюрк. *ор-аман* «утренний лес». От этого же слова образована лексема *эр-ем* (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 29). Ср.: **jabšan*. тат. *dü:šan, ärem*, башк. *ärem*, чув. *erëm* «полюнь» (Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 132-133).

В сравниваемых нами языках прямые значения слов тождественны.

В башкирском языке приводится и переносное значение, которое встречается и в татарском языке. Этимоны на **эр-/*эр-* выступают в значениях «горький», «едкий»;

5) **тат.:** *ан-д-ыз* (ГС + СГС) «девясил», «аир» (Толковый словарь татарского языка, с. 40; Мамонтов, 2000, с. 16); **баш.:** *ан-д-ыз* (ГС + СГС) «девясил высокий» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 265; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 27); **чув.:** *ан-т-äc* (ГС + СГС) «девясил» (Чувашско-русский словарь, с. 35).

Этимон восходит к др.-тюрк. *ан-дыз* «девясил», «аир» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 16).

В татарском и башкирском языках слово сохранило свою первоначальную фонетическую форму. Семантика слов в анализируемых языках совпадает. Этимоны **ан-* во всех сравниваемых языках совпадают и выражают одинаковые значения. Ср. в других языках: тюрк. *ан-д-ыз* «растение, употребляемое как лекарство против болезни лошадей и овец», «роща вблизи города» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 240), тат. *ан-д-ыз* «девясил» (Бурганова, 1976, с. 126);

6) **тат.:** *ар-п-а* (ГС + СГ) «ячмень», «семена ячменя», мед. «маленькая опухоль глаз» (Толковый словарь татарского языка, с. 48); **баш.:** *ар-п-а* (ГС + СГ) «ячмень», мед. «воспаление век» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 678; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 30); **чув.:** *ур-п-а, орпа* (ГС + СГ) «ячмень», мед. «маленькая опухоль глаз» (Русско-чувашский словарь, с. 893). Этимон восходит к общетюрк. *ар-па, ар-ба* < др.-иран. *ar-phi* «рожь» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 19).

Наблюдения показывают, что значения слов в татарском, башкирском и чувашском языках одинаковые. Этимоны на **ар-/*ур-* выступают в значении «хлебный злак». Ср. в других языках: кум., турк., к.-калп., калм. *ар-п-а* «ячмень» (Русско-кумыкский словарь, с. 114; Русско-туркменский словарь, с. 99; Номинханов, 1975, с. 288);

7) **тат.:** *ау-л-ык, иген* (ГС + СГС) «хлебные злаки», «хлеб», «зерно» (Русско-татарский словарь, с. 184; Толковый словарь татарского языка, с. 60); «хлеб», «зерно», «злаки», перен. разг. «заработок», «пропитание» (Русско-татарский словарь, с. 684); **баш.:** *ау-л-ык, ашлык, икмәк, иген* (ГС + СГС) «хлеб», «зерно», перен. «зарабатывать себе на хлеб», «хлеб-соль (угощение)» (Русско-башкирский словарь, т. I, с. 393; с. 600-601; Толковый словарь современного башкирского языка, с. 38); **чув.:** *çä-к-är, тырă, тешё, тырпул* (СГ + СГС) «хлеб», «зерно», «пища», «пропитание»; «зерно», «капля», «ягодка», «волокно», «перышко», «отдельная нитка», «небольшая нить» (Русско-чувашский словарь, с. 842).

Анализ лексем татарского, башкирского и чувашского языков показал соответствие их значений. Этимоны на **ау-/*çä-*, отличающиеся по звуковому составу, выражают одинаковые значения. Ср. в других языках: уйг. *ау-л-ык* «хлеб», «жито», «хлебные злаки», «посевы зерновых», «хлеба» (Уйгурско-русский словарь, с. 38), *ау-л-ык* «хлеб», «ячмень» (Опыт словаря тюркских наречий, т. I, с. 603).

Б. Структурные типы глагольной основы ГС (+ варианты)

Вариантами структурных типов глагольной основы являются СГСГ, СГСГГ, СГС:

1) **тат.:** *үс-т-ерү* (ГС + СГСГ) «вырастить», «выращивать» (Русско-татарский словарь, с. 96; Русско-башкирский словарь, т. II, с. 210); 2) **баш.:** *үс-т-ерү* (ГС + СГСГГ) «вырастить», «выращивать» (Русско-башкирский словарь, т. II, с. 210); 3) **чув.:** *үс-т-ер, ситёнтер* (ГС + СГС) «вырастить», «выращивать» (Русско-чувашский словарь, с. 114). Ср. в других языках: якут. *до-л-иган* «колыхаться», «качаться», «колебаться» (Словарь якутского языка, с. 732), тув. *бы-ш-кынлык* «созреть» (Русско-тувинский словарь, с. 549); *өз-и-л* «расти» (Русско-тувинский словарь, с. 500), тюрк. *үс-м-ок* «расти» (Гарипов, Нугуманова, 2002, с. 123).

Концептосфера «Цветы»

В данной группе концептов нами анализируется лексема, обозначающая родовое понятие концепта *цветок*, и одно конкретное наименование *подснежник*.

Среди **структурных типов именной основы СГ** (+ варианты) выявлено четыре, где вариантами служат: СГС (2 примера), ССГ, ССГС, а вариантом структурного типа ГС (+ варианты) служит ГССГСГ (2 примера). Можно отметить, что последний вариант уже выходит за рамки односложных корней:

1) **тат.:** *ча-ч-эк* (СГ + СГС) «цветок», «букет цветов» (Русско-татарский словарь, с. 691); **баш.:** *сә-с-кә* (СГ + ССГ) «цветок», мн. «цветки, цветы», «полевые цветы», «комнатный цветок» (Русско-башкирский словарь, т. II, с. 612); «цветок», «цветы (желтые цветы)», «растение (полевые цветы)», перен. «молодость» (Толковый словарь современного башкирского языка, с. 355); **чув.:** *че-ч-ек, чече, чечче* (СГ + СГС) «цветок», «цветы», «цветки», «комнатные цветы», «полевые цветы» (Русско-чувашский словарь, с. 850). Слово восходит к общетюрк. *ча-чак* «цветок» (Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге, б. 232).

Материал исследования показал тождественность значений лексических единиц татарского, башкирского и чувашского языков. Этимоны на **ча-/*сә-/*че-* выступают в значениях «красота», «молодость». Ср. в других языках: калм., халх., монг. *ча-ч-эк (цетфө)* «цветок»; «цветник» (Тодаева, 1981, с. 256), *ча-ц-эг* «цветок» (Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, с. 1852), др.-тюрк., тюрк. *че-ч-ыг (çул)* «цветок»; «соцветие»; «метелка» (Древнетюркский словарь, с. 143; Туркий сузлар девони, т. III, с. 327), *ше-ш-ек* «тж» (Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, с. 1015);

2) **тат.:** *ум-ы-рзая* (ГС + ГССГСГ) «подснежник» (Русско-татарский словарь, с. 421); **баш.:** *ум-ы-рзая* (ГС + ГССГСГ) «подснежник» (Русско-башкирский словарь, т. II, с. 97); **чув.:** *це-ц-пёл* (СГ + ССГС) «подснежник» (Русско-чувашский словарь, с. 534). В татарском и башкирском языках данное понятие передается общим корнем *ум-ы(-рзая)*, а в чувашском – корнем *це-ц(-пёл)*. Анализ языкового материала показал соответствие значений лексем в татарском, башкирском и чувашском языках. Этимоны на **ум-/*це-* выражают значение «лесной цветок, развивающийся под снегом».

Таким образом, анализ структурных типов и сравнение фактов родственных языков показали древний облик и семантическое содержание односложных корней тюркских языков Урало-Поволжья, относящихся к миру флоры.

Заключение

Наименования некоторых явлений живой природы имеют единую или достаточно близкую мотивирующую основу в татарском, башкирском и чувашском языках, что еще раз дает возможность подчеркнуть их этногенетическую близость в историческом прошлом.

Сравнительное исследование односложных корней татарского, башкирского и чувашского языков, как между собой, так и с данными других тюркских языков, позволяет утверждать, что большинство древнетюркских основ, относящихся к миру флоры, сохранились до настоящего времени.

Сравнительно-сопоставительное изучение лексем татарского, башкирского и чувашского языков позволяет прийти к следующим выводам:

1. Анализ лексических единиц, относящихся к живой природе (флора), с этимологической точки зрения выявил, что лексемы татарского, башкирского и чувашского языков в основном восходят к древнетюркскому языку, но встречаются также заимствования и из других языков.

2. Структурная и идеографическая парадигматика односложных корней показала, что в сравниваемых языках Урало-Поволжья названия растений, цветов, грибов выражают равнозначные понятия. Первичные значения слов в данных языках совпадают. Переносные же значения слов в каждом из исследуемых языков связаны с особенностями мировосприятия народа и окружающей среды.

3. Анализ структурных типов именных односложных корней позволяет сделать вывод о том, что в количественном отношении корневые основы типа **ГС** (+ варианты) (35 примеров) преобладают над типом **СГ** (+ варианты) (22 примера).

Среди незначительного количества анализируемых нами глагольных односложных корней преобладает тип **ГС** (+ варианты) (7 примеров).

Все это является закономерным отражением результата развития производных образований в тюркских языках Урало-Поволжья на базе односложных корней.

В перспективе, основываясь на методологии, которая была использована в данной работе, можно проводить исследования, связанные с анализом особенностей звукового состава односложных корней и их идеографических характеристик с привлечением лексических единиц, относящихся к когнитивной сфере «Природа (живая)» других тюркских языков Урало-Поволжья.

Источники | References

1. Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М.: Наука, 1979.
2. Будаев Ц. Д. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978.
3. Бурганова Н. Б. О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976.
4. Гарипов Т. М., Нугуманова А. А. Проблемы корневых слов в тюркских языках // Проблемы словообразования в тюркских языках: мат. конф. Казань, 2002.
5. Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар (Материалы и исследования). Л.: Наука, 1981.
6. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
7. Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках: глагольные основы моносиллабического (односложного) типа С + Г (согласный + гласный) // Вопросы языкознания. 1961. № 2.
8. Кажобеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма). Алма-Ата, 1986.
9. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986.
10. Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
11. Курьшжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. - «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата: Наука, 1970.
12. Мамонтов А. С. Язык и культура. Сопоставительный аспект изучения. М., 2000.
13. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978.

14. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
15. Нигматуллина Л. А., Абдуллина А. Ш., Лысова О. В. Особенности звукового состава односложных корней в лексемах, репрезентирующих концептосферу «Земля, особенности земной поверхности», на материале лексики татарского, башкирского и чувашского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10.
16. Номинханов Ц. Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
17. Норманская Ю. В. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература РАН, 2008.
18. Сауранбаев Н. Т. Проблемы казахского языкознания. Алма-Ата, 1982.
19. Севортян Э. В. Вопросы сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: мат. всесоюз. тюрколог. конф. Алма-Ата, 1976.
20. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001.
21. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э. Р. Тенишева, А. В. Дыбо, И. В. Кормушина, О. А. Мудрака, К. М. Мусаева, Ю. В. Норманской. М.: Наука, 2006.
22. Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: материалы и словарь. М., 1981.
23. Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (опыт лексико-семантического и идеографического словаря): в 2-х ч. Уфа: Восточный университет, 2004. Ч. 2.
24. Шайхулов А. Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики (синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)»). Уфа, 2000.
25. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Развитие корневых основ слов. Фрунзе, 1959.

Информация об авторах | Author information

RU**Нигматуллина Лейсан Андерзяновна¹**, к. филол. н.**Абдуллина Амина Шакирьяновна²**, д. филол. н., доц.**Лысова Ольга Васильевна³**, к. пед. н., доц.^{1, 2, 3} Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий**EN****Nigmatullina Leysan Anderzyanovna¹**, PhD**Abdullina Amina Shakiryaynovna²**, Dr**Lysova Olga Vasilyevna³**, PhD^{1, 2, 3} Birsky Branch of Ufa University of Science and Technology¹ nigm4tullina.laysan@yandex.ru, ² aminaabdullina@mail.ru, ³ lysova_olga@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.12.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): словообразовательная структура; когнитивная сфера; семантическое поле; односложные корни; звуковой состав; word-formation structure; cognitive sphere; semantic field; monosyllabic roots; sound composition.